

Оказывается, не так и давно в церковных хорах пели одни мужчины, а исполнять обязанности псаломщиков женщинам благословили только на поместном соборе в начале прошлого века. Нет, я вовсе не собираюсь спорить и умалять роль женщины в Церкви, просто иногда кажется, будто мужиков, на самом деле, в храмах не было и вовсе. И от этого становится грустно.

Прошла всего какая-то сотня лет и уже нормой стало услышать:

– Это, что, у вас на клиросе бас появился? Интересно, как это вам удалось мужичка заполучить? Ещё и с музыкальным образованием? И поёт Христа ради?! Батюшка, да ты кудесник! Рассказывай, и как это тебе удалось?

Мужчин в храме ценят. Порою, расхваливая священника, его пастырские качества в подтверждение этих самых качеств, говорят с уважением: – У них в храме много мужчин.

И причащается сильная половина рода человеческого сразу же после детей. Сперва несут и ведут малышей, а потом окруженные женским большинством, подталкиваемые и направляемые, идём мы, те, кто когда-то строил храмы и дома, защищал свои семьи, воспитывал будущих мужчин. Теперь нас в храмах осталось мало, впрочем, такое положение дел отражает и реальный расклад роли мужчины и вне церковных стен.

Рассказывают, как-то, это ещё в пятидесятых, в одном из московских храмов служил литургию митрополит Николай Ярушевич, известный проповедник и церковный дипломат. Один из тех трёх святителей, кто был приглашен на приём к товарищу Сталину в 1943 году. Так вот, выходит он в конце литургии с чашей на амвон. Людей в храме полно, много причастников – и только одни женщины. Владыка с досадой: «Что, только женщины, ни одного мужчины?» И вдруг в толпе слышится сдавленный мужской голос: – Есть, есть, владыка, я причастник, вот, только никак сквозь толпу не пробьюсь. И тогда митрополит громко с воодушевлением произносит: – Православные, расступитесь, дайте возможность мужчине первым подойти к чаше, и, вообще, берегите мужчин!»

Вот и исполняют марфы и мариин благословение владыки Николая, берегут нас изо всех сил, всё больше и больше подменяя мужичков, взваливая их обязанности на свои хрупкие плечи. Любят «немошные сосуды» своих мужей, переживают. А раз так, то и пытаются всеми силами их спасать.

Фото Александра Осокина

Но путь к спасению лежит через храм, а попробуйте затащить неверующего человека на службу. И поскольку мужчине здоровому и сильному до храма практически не добраться, то остаётся единственный и спасительный шанс, когда к нему, больному и слабому можно будет пригласить батюшку. Может, именно это и имели в виду, когда впервые сформулировали бессмертную фразу: «Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе». В нашем случае роль «Магомета» всякий раз примеряет на себя очередной батюшка.

Хотя, знаете, дело это такое, не всегда безопасное. Представьте, вот он, нормальный здравомыслящий мужик, который всю жизнь смотрел на веру жены, как на какое-то чудачество, а на её робкие просьбы: – Вань, ну, давай хоть разочек сходим вместе на службу, в ответ неизменно ворчал: «Мало в нашей семье одного сумасшедшего? Хватит и того, что ты все деньги в церкву перетаскала». Он – хозяин, его уважают, и даже побаиваются, и тут раз, как снег на голову: insult со всеми вытекающими.

Лежит такой бедолага, а жена ему: » Вот, и ладно, Ванечка, вот и ладно. Я тут батюшку пригласила, он тебя причастит, а ты, глядишь, и поправишься».

В его душе растёт законный протест, но тело беспомощно, и язык не слушается, потому и остаётся в запасе последнее испытанное средство. И выглядит это приблизительно так.

Как-то захожу в квартиру к одному такому больному, помню, что жена его называла «Коленька». Стою в прихожей, а она приоткрывает дверь к нему в комнату, и робко так: «Коленька, а к тебе батюшка пришёл». Коленька молчит, женщина, обнадёженная его молчанием, перекрестившись, подталкивает меня в проём двери.

Захожу, в постели под одеялом лежит давно небритый пожилой человек. Казалось, он дремлет, но как только я стал к нему приближаться, больной открыл глаза и молча остановил меня взглядом. Потом спрашивает: «Ты и есть батюшка?» «— «Я и есть, — отвечаю, — можешь не сомневаться». «Тогда получи», — и в меня летит костыль. Едва увернулся.

Недавно по телевизору смотрел, как в одном городе врачи скорой помощи тренируются отражать нападения психопатов, и подумал, может и в курс подготовки будущих священников стоит ввести занятия по уворачиванию от запущенных в них костылей и пресловутых стаканов с водой?

Конечно, это крайний случай, и таких случаев немного, но они есть. Чаше бывает по-другому, священника приглашают к больному умирающему человеку, и священник обязательно приходит. Но если, живя полноценной здоровой жизнью, человек не думает о вере и вечности, то как это сделать, когда болит всё тело и затуманивается разум?

На днях звонит один мой хороший знакомый и просит встретиться с их главным механиком, Николаем Ивановичем, он у них в фирме лет десять проработал. Хороший такой дядька, весёлый. На днях его как раз на пенсию проводили всем коллективом, и буквально спустя пару месяцев цветущий жизнерадостный человек превратился в немощного старика. Его к врачам, те только руками развели. Поздно, мол, вот если бы на полгода пораньше.

И просит мой друг поговорить с их товарищем, может, тот покается и его можно будет причастить. Я попросил, если это возможно, для начала привезти больного в храм.

Николая Ивановича привезли, и посадили на скамейку, и он сидел, словно большая нахохлившаяся птица. Он перестал бриться, и потому сразу же превратился в старика. Специально чтобы повидаться с ним в храм заехало несколько человек из тех, кто

работал с ним раньше. Помню, как плакала одна женщина: – Батюшка, не поверите, всего два месяца назад это был совершенно другой человек, а сейчас – старый престарый дед.

Перед Литургией. Фото Александра Осокина

Разговаривая с Николаем Ивановичем, я спросил его:

- Вы верите в Пресвятую Троицу, и что Христос наш Бог?

Сперва, он утвердительно кивнул головой, а потом добавил:

- А как же? Конечно, верю.

Я продолжил:

– А в чём выражается ваша вера? Вы молитесь Христу, участвуете в церковных службах? Может, вы когда-нибудь исповедовались, причащались?

- Нет, до болезни я никогда не причащался, но вот уже десять лет, всякий раз, проезжая мимо церкви обязательно крещусь.

Мы проговорили с ним около получаса, я дал ему литературу в помощь кающемуся и просил читать Псалтирь. Судя по всему, времени у него оставалось немного, и потому я предупредил Николая Ивановича, что уже через неделю приеду к нему домой.

– Вот, пусть и жена вам поможет, почитайте книжку отца Иоанна Крестьянкина, вместе помолитесь.

Николай Иванович посмотрел в сторону супруги, та стояла рядом с нами почему-то с совершенно счастливым выражением лица. Я ещё тогда удивлялся, обычно родственники не выражают подобных эмоций, когда страдают их близкие. Хотя, это может ничего и не значить, вполне возможно, что она просто старается не волновать умирающего, а что уж там на самом деле творится в душе у человека, одному Богу известно. Больной помедлил с ответом, потом отвернулся от жены и произнёс:

- Нет, я один буду молиться.

Назначенная мною неделя пролетела быстро. Я вёл машину и думал о предстоящем разговоре. Попробуйте поставить себя на место умирающего человека. Ему больно и страшно. Умирать всегда страшно, это ещё и от того, что наступает неизвестность. Что там дальше, что тебя ждёт? В священнике он надеется увидеть того, кто ему поможет. А вдруг батюшка помолится и он не умрёт, пускай продолжится страдание, но он будет жить. А ты понимаешь, что ты не волшебник, и твоя молитва, скорее всего, не остановит болезнь, и не прекратит телесного умирания. Твоя задача предотвратить катастрофу умирания души. От человека нужно добиться покаяния, укрепить в нём веру в Бога и вселить надежду. И на всё это времени не больше часа, больной быстро устаёт, и ему уже не до тебя. И всякий раз такой разговор складывается по-особому, нет единого рецепта.

Помню, прихожу в дом, где хозяин много лет проработал водителем автобуса, только не рейсового, а заводского, что развозит людей по рабочим сменам. У него гангрена, часть одной ноги уже отрезана, а на второй, пальцы ног почернели, и будто обуглились. Он

знает, что обречён, и, что болезнь не остановить, но не жалуется и не сетует на жизненную несправедливость. Он просто лежит и смотрит в потолок. Меня к нему пригласила его жена, одна из наших прихожанок: «Батюшка, он добрый человек, и всегда по-хорошему относился к людям».

Я и сам помню, зима, стоишь на остановке, автобуса нет, и не предвидится, холодно. Мимо проезжают машины, и никому до тебя дела нет. А он никогда не бросал людей, особенно в непогоду, и никогда не брал денег. Люди выходили из его автобуса и желали ему здоровья. Время прошло, а желаемого здоровья он так и не получил. Наоборот, лежал в одиночестве и умирал в страданиях. Когда я вошёл, он мельком взглянул на меня, и отвернулся.

- Зачем ты пришёл? – спросил он.

– Меня пригласила твоя жена.

Он вспоминает:

– Ах, да, точно, она говорила.

Потом улыбается:

- Так тебе что, грехи мои нужны?

- Нет, – отвечаю ему, – твои грехи мне совершенно не нужны. От своих не знаешь куда деваться. Я священник, и пришёл к тебе в первый и, скорее всего, последний раз. И, если честно, то мне другое интересно: почему меня позвали к тебе? Вокруг умирает множество людей, и никто меня не зовёт. Так и уходят, без напутствия и причастия. А к тебе позвали. Может, из-за того, что ты людей жалел, и Господь на тебя внимание обратил. Поверь, мне не нужны твои грехи, мне нужно, чтобы ты заплакал о них. Ты

покайся, и я уйду.

И разговор получился. Он рассказал мне о своём старшем друге, всю жизнь проработавшем на шахте. Как тот говорил: «Ты понимаешь, я прожил на земле 65 лет, а где они эти мои годы? Оборачиваюсь назад в прошлое. Да, вот они события моей жизни, вот оно отмеренное мне время, подставляю под него ладони и пытаюсь собрать, а оно, словно вода, просачивается сквозь пальцы, оставляя на ладонях только жалкие капли. Я ничего не успел сделать хорошего в своей жизни. Прожил 65 лет, а зачем? Знаешь, дам тебе совет, пока ты в силах, делай добро, как можешь, так и делай. Чтобы потом не жалеть».

- Вот, после того нашего с ним разговора, я и стал людей в непогоду с остановок собирать и до посёлка подвозить. А чтобы автобусники на меня не роптали, денег ни с кого не брал.

Фото Александра Осокина

С тех пор, всякий раз, когда меня приглашали к мужчине, я начинал искать причину, почему меня позвали к нему. И такая причина, как правило, находилась. Один человек рассказал мне, как спасал детей. Удивительная, просто мистическая история. Ещё, будучи молодым парнем, он вынужден был, идя на работу, проходить какое-то расстояние вдоль реки. Однажды, проходя привычным маршрутом, он увидел как провалившийся под лёд ребёнок пытался самостоятельно выбраться из полыньи. Малыш никого не звал на помощь, но было件нятно, что самому ему не выбраться. Тогда молодой человек, сняв с шеи шарф, осторожно пополз по льду и, действуя шарфом как верёвкой, смог вытащить ребёнка из полыньи. Прошло всего несколько месяцев, и на том же самом месте, но уже летом, при сходных обстоятельствах он спасает брата того

самого мальчика, что зимой провалился под лёд. Прошла целая жизнь, а Господь ему этих детей не забыл.

Но не всегда бывало так гладко. Как-то позвали меня в соседний подъезд, в моём же доме. Сосед умирал от тяжёлой неизлечимой болезни. Не знаю, кто посоветовал им пригласить священника, но, совершенно нецерковные люди, попросили меня придти к их отцу. Болел он уже давно, поэтому почти и не появлялся на улице. Во всяком случае, не помню, чтобы я его раньше видел. Дети переживают: «Батюшка, отцу жить осталось всего ничего, а о том, чтобы со священником поговорить, душу облегчить, и слышать ничего не хочет». Что делать? Советую: «Закажите по нему сорокоуст, и сами, пожалуйста, молитесь». В последний день сорокоуста, и это я замечаю уже не в первый раз, больной дал согласие встретиться со священником.

Вхожу в комнату. Передо мной пожилой измученный болезнью человек. Вижу его глаза и радуюсь, что пришёл вовремя, он способен мыслить и болезнь ещё не поглотила его разум. Старик оказался человеком интересной и очень трудной судьбы, будучи молодым специалистом, это ещё в конце сороковых, он возглавлял шахту по добыче редких металлов в районах крайнего севера. А работали тогда под его началом, разумеется, большей частью, враги народа, кстати, многие из них были людьми верующими, попадались даже священники. Он вспоминал, как жалко было ему этих людей, и как всеми возможными ему способами пытался облегчить их страшную участь. Бывало, что и спасал людей от неминуемой смерти.

Потом наш разговор плавно перешёл на духовные темы, я стал расспрашивать его о крещении. Действительно, в детстве его крестили, но он не помнит, чтобы когда-нибудь заходил в храм, или молился.

– Батюшка, я с большим уважением отношусь к Церкви, и к патриарху Алексию, и даже готов просить прощения за свои плохие поступки, но, – и здесь он почему-то заговорил шёпотом, – я не верю в Бога, не верю в Его любовь. То, что я видел там, в лагерях, те десять лет, среди этого ужаса..., и если бы Он действительно был... Потом откинулся головой на подушку и замолчал.

Добрый совестливый человек прожил десять лет среди страдальцев, но так и не понял, что Христос и был, как раз-то, вместе с этими мучениками. Он провёл с ними десять лет, но он не был одним из них.

- Как же мне вас причащать Телом и Кровью Того, в Кого вы не верите?

Больной молча лежал, и было видно, что ему всё равно.

– Давайте, я приду к вам недельки через две, а вы пока подумаете о нашем разговоре, может, всё-таки, в вашей душе что-то и проявится. Попросил близких молиться об отце и ушёл.

В назначенный срок я вновь пришёл в тот же дом. Всего две недели, а как они отразились на его лице. Заострились скулы, и в глазах появилась, словно какая-то пелена. Эта пелена свидетельство того, что человек потихоньку отдаляется от нашего плотского физического мира и начинает принадлежать уже двум мирам тому, и этому одновременно.

Он встретил меня уже как старого знакомого. Мне даже не пришлось его о чём-то спрашивать. Я только стоял и смотрел на него. Старик, виновато покачал головой:

- Ничего не получается, я не верю.

Когда дней через десять я всё-таки пришёл к нему в последний раз, то он меня уже не узнавал. Потом, сделав усилие над собой, очнулся, вышел из забытья, и улыбнулся. Он помнил меня, но ему уже было не до меня. Его губы улыбались, а глубоко ввалившиеся щёки, покрытые седой старческой щетиной дрожали. Он едва прошептал:

– Не верю, – и глаза умирающего вновь стали покрываться знакомой мне пеленой.

Почти бегом я спускался по лестнице с четвёртого этажа, а перед глазами всё стояли эти ввалившиеся небритые щёки, и в ушах раздавался громopodobный шёпот: – Не верю!

Вид целого посёлка новых коттеджей прервал мои мысли, вот я и приехал.

С Николаем Ивановичем сперва мы долго беседовали, потом я его исповедовал, соборовал и причастил. Никогда раньше мне не приходилось человека уговаривать исповедовать грехи. Просто он считал, что нехорошо взрослому мужику грешить, а потом подобно малому ребёнку просить о прощении, непорядочно, как-то. Он так и говорил:

- Ты же мужик, набедокурил, так имей мужество ответить.

Всю жизнь прожил он в одном и том же городе, здесь же его и крестили, здесь же похоронены родители.

– В последние годы я всё искал чего-то настоящего, а в храм зайти стеснялся. Всю жизнь был партийный, а в конце, значит, что? Видите ли, уверовал и в церковь пришёл? Так я, батюшка, и не решился, хотя родителей всегда поминал, и молился тайком, как умел.

Я уходил от него и думал, почему Господь спасает этого человека? Ведь таких главных механиков сотни, а выбор пал именно на него? До машины меня провожала жена Николая Ивановича, всё с тем же радостным выражением лица. В конце концов, я не выдержал и сказал:

- Вижу, вы очень мужественный человек, стараетесь не выдавать своих переживаний, просто удивительно.

Женщина продолжает улыбаться.

- Батюшка, я и на самом деле радуюсь. Сейчас Коля умрёт и выйдет из своей биологической оболочки, а я помогу ему задержаться не ниже пятнадцатого уровня сознания. А когда придёт моё время, и я перейду в духовный мир, то постараюсь подтянуть его душу до своего уровня, а потом мы воплотимся вновь. Ведь я, батюшка, не только бухгалтер, но и практикующий эзотерик с многолетним стажем.

Слушаю бухгалтера-эзотерика, и чувствую, как у меня под шапкой начинают шевелиться волосы:

- А, Николай Иванович, что, тоже практикующий эзотерик? Господи помилуй, кого же я тогда причастил?!

– Увы, к сожалению, нет. Если бы он согласился стать посвящённым, всё было бы значительно проще. Десять лет я пыталась его увлечь, и все эти годы Николай упорно стоял на своём, он, мол, православный. Мама его, видите ли, крестила, и он своей вере не изменит.

Она жалуется, а у меня внутри всё ликует, и главное, мне становится понятно, за что Господь спасает эту душу.